

Тогда был май

Старинная дверь выходила на высокое крыльцо. Медная табличка, позеленевшая от времени, гласила: "Врач Иван Матвеевич Зелепуха". Лида оставила её в память об отце. Она с семьёй жила в папином доме. Муж Лиды отремонтировал его, расчистил сад, посадил молодые деревья и кусты. А Лида очень любила цветы. Она обменивалась с подругами семенами астр, клубнями георгин, кустами роз. Отовсюду привозила необыкновенные цветы и высаживала на клумбах.

Дочери нравилось всё это великолепие. Мила любила забраться в заросли малины и устроить там "домик" для кукол. Или до покоса травы в саду протоптать узенькую извилистую тропинку, расстелить в высокой траве одеялко, и долго лежать там, рассматривая плывущие в небе облака.

Огромному кусту кизила было лет сто, а то и больше. На его толстых ветвях умещался десяток девчонок и мальчишек – Милиных друзей из соседних домов. Они любили здесь рассказывать о своих приключениях в

чужих садах. И до взрослых лет она не догадывалась, что половина этих историй происходила в её саду. Друзья попросту пролазили в сад и набивали карманы.

Осенью всей семьёй снимали зимние сорта яблок и груш и уносили

на сохранение в погреб под домом, куда был отдельный вход – его закрывала кованая дверь с засовами и кольцами. Краснощёкие яблоки долеживали в этом погребе до нового урожая! Тогда не было современного изобилия фруктов, поэтому отец особенно гордился, когда в День Победы на праздничный стол выставлялись его любимые яблоки. Вспоминалась война, родители, братья и сёстры.

Мамины сёстры давно жили в других городах, но каждое лето приезжали в свой дом, отдыхали в саду. Надя любила август, когда много

всего вкусного, а Соня приезжала обязательно в мае, когда сад цвёл. Она ставила раскладное кресло под вишнями и часами сидела в нём – читала, вязала, наслаждаясь божественными ароматами. У крыльца цвёл пышный куст бульденежа. Его огромные белоснежные шары состояли из множества лепестков, шары выглядывали из зелени, свисали гроздьями по всему кусту и были очень хороши в букете с бордовыми и алыми пионами.

Мне нравилось дарить такие букеты учителям – в эту пору всегда были экзамены. И все ахали – надо же, какую красоту создала природа! Сонечка любовалась бульденежем и не давала обламывать его, пока гостила у нас. Сидя под кустом и вдохновляясь его великолепием, она вязала чудесные вещи. Её рукотворные узоры были сродни кружевным шарам. Мне хотелось сразу всего: весны с цветущим садом, скорейшего окончания школы, загадочной поездки в большой город вместе с новым другом и поступления в ВУЗ.

Виталик, пронзая своими голубыми глазами, говорил умные слова, с лёту решал труднейшие задачи и мог помочь в любом школьном предмете.

Этим он и покориł меня, умненькую девочку, которая уже шесть лет – с пионерского возраста дружила с Валеркой, одноклассником, который мягко говоря, в учёбе звёзд с неба не хватал. Валерке помогала я, тянула его, заставляла учиться и прилично вести себя. И у меня получалось. Моя педагогическая поэма, написанная юношеской дружбой, а потом и первой любовью, принесла свои плоды. Валерка после восьми классов с отличием закончил ПТУ и стал работать. Я же заканчивала десятый.

И здесь возник ОН, из параллельного класса, такой необыкновенный, что я растерялась. Он приходил в гости и звал меня в сад. Мы подолгу беседовали, сидя среди цветущих деревьев. Цветение, чудесные запахи, жужжание пчёл, колыхание ветвей, таинственные сумерки – всё завораживало и будило чувства... А Виталик вдруг срывался и уходил, оставляя меня в недоумении.

Валерка узнал об этих наших свиданиях в саду и поколачивал Виталика. Но тот не сдавался, приходил, и мы убегали в сад... Оба парня красивые, голубоглазые, кудрявые, но что-то загадочное было в поведении и во взгляде у моего нового друга... И это что-то неуловимое останавливало меня. Так и уехал он один, поступил в престижный технический ВУЗ. А я осталась в нашем городе и стала студенткой педагогического института. Сказать, что я ждала писем, это ничего не сказать! Я изнемогала, по несколько раз заглядывая в почтовый ящик...

Эх, современная мобильная связь! Как долго ты рождалась! Будь она в те времена, неизвестно, как бы всё сложилось. А так я в свои семнадцать получила наконец-то долгожданную весточку почти перед Новым годом! Всё было написано неестественным казённым слогом, чужим, по сути, человеком.

Во мне кипела обида от того, что написал он, как ни в чём не бывало, вроде бы так и нужно – промолчал почти полгода и "здравствуйте", вот он, я.

Он ещё и пришёл ко мне! Приехал на каникулы и прямо с поезда явился с чемоданом! У моих родителей был шок, а он спокойно общался. Через полчаса выяснения отношений, я отправила его восвояси. Конечно, переживала. А отрезвила меня от наваждения пропажа золотого колечка с рубином.

Подарок родителей к окончанию школы, снимая с руки, я клала в шкатулочку – она стояла тут же, на полочке. Перевернула всю комнату – нет! И никто не приходил! Не могла поверить в подлость, но колечко так и не нашлось. Стоило оно не дорого, было тоненьким, с маленьким камушком, но сам факт воровства просто убил меня. Вот, оказывается, как бывает...

...Промчались годы. Моим студенческим друзьям Валерка периодически напоминал о себе, как только кто-то из них приближался к недозволенной границе. Когда он служил в армии, то часто писал письма, я дождалась его и стала Валеркиной женой.

У нас была красивая свадьба, вся моя студенческая группа гуляла на ней. Мне захотелось, чтобы цвели сады, сирень, бульденеж, а я была бы невестой во всём белом... Да, я выбрала май... И цвели яблони в нашем огромном саду! Большой альбом фотографий навсегда оставил нас молодыми, красивыми, счастливыми.

...Летело время, подросли дочь и сын. Валерка оказался хорошим

семьянином. Помогал во всём по хозяйству, нашёл общий язык с родителями, закончил ВУЗ заочно. В нашем старом доме мы вместе прожили четырнадцать лет.

И тут как снег на голову – снос дома! Конечно, по согласию нам дали отдельные квартиры, естественно, и мама, и сёстры получили компенсацию, но... Сад сносили в мае! Живодёры не выбрали лучшего времени! Всё цвело и благоухало. Птицы не понимали, почему рушатся их пристанища и голосили. Мои и соседские дети сидели, словно огромные вороны на цветущих яблонях и грушах и рыдали.

И ругались, и прогоняли живодёров, а те монотонно делали своё дело. Рабочие уговаривали детей слезть, пугали бензопилами, спиливали нижние ветки – ничего не помогало.

В это же время вся зажатая и больная из-за расправы с садом, в доме, на диване, сидела и вязала Сонечка, а сквозь звуки специально включенного телевизора прорывался визг бензопил. Через год Сонечка умерла – стресс дал толчок коварной болезни.

Неделю шла война детей с рабочими. Потом рабочим надоело, они пришли в пять утра и спилили цветущие деревья. Я думала, что сердце лопнет, когда падал мой бело-розовый сад, а уйти не могла – окаменела, глядя на всё. К восьми утра проснулись дети и в чём были, выбежали в сад, а сада нет! Ещё стоял кизил, так как пилы не могли взять его твердую древесину. Дети тут же забрались наверх! И сидели на любимом кизиле, пока его не стали рубить топорами

Последним рухнул бульденеж... Кружевные шары уже отцветали и чуть подсохли. Поэтому они

разлетались ранеными журавликами и кружились тучкой, оседая на поверженный куст. И тут я зарыдала... Ну, вот и всё... Прощай, наш сад!

...На нашем бывшем подворье быстро построили пятиэтажку, в ней мы и поселились. Неутомимый папа посадил новый сад на даче, участок нам выделили за городом. Гараж тоже оказался за тридевять земель. В то время всем улучшали жилищные условия. И нам "улучшили". Как сказал

перед сносом первый секретарь горкома: "Вы будете жить, как все!" И зажили мы новой жизнью – как все. Вначале у нас пересыхало в горле от нового воздуха в квартире, нас будили звуки соседей, мы узнали, что это такое – быть затопленными сверху, и прочая, прочая...

Мы успевали работать на любимой работе, ухаживать за дачным участком, растить детей, ездить в дальние поездки на море своим ходом – с палаткой, с полным туристическим набором необходимых вещей, и были счастливы!

И вот, почти, как у Дюма, тридцать пять лет спустя, в квартире раздался телефонный звонок:

– Здравствуй, Мила! Я нашёл твой номер на прежней твоей работе.

– Здравствуйте, – отвечаю, а мозг извлекает из дебрей памяти знакомый тембр.

– Мне очень нужно тебя увидеть, выйди, пожалуйста, на площадь к магазину "Золото".

– Что-то случилось? Такой неожиданный звонок... – говорю, а интуиция шепчет: "Выходи". Надеваю обтягивающее платье на ещё сохранившуюся фигуру. Волосы – р-раз, два – готово, губы – помада, тёмные очки и вперёд!

Возле "Золота" мне навстречу шагнул с улыбкой почти лысый изъеденный морщинами мужичок. Только улыбка и выцветшие голубые глаза говорили, что это Виталик.

– Я рад тебя видеть, – затараторил он. – Вот я приехал проведать могилки, живу в Белоруссии, женился в сорок девять, детей нет, Света работает, я тоже. Имею большие возможности, вот хочу всех, кто делал мне добро, отблагодарить. Пойдём в магазин, выберешь себе что-нибудь.

Да, поворотик, подумала я... Скорее всего что-то не ладится у тебя, а может, здоровье подводит. Видать, грех за собою чувствуешь с молодости, а

не говоришь прямо о нём, всё выкрутасы крутишь. А грех-то откупить хочешь, так легче тебе станет в жизни. Иначе с чего бы через столько лет ты мне стал дарить золото? Да... Он так умолял меня принять подарок, что я увидела: ему это *очень* нужно!

— Ну, купи мне колечко с рубином! — зашевелился во мне чёртик семнадцатилетней девчонки.

— Конечно, — обрадовано закивал он, — выбирай!

Но колечек, похожих на *то*, не оказалось. Он растерялся, потом нашёлся.

— Дайте мне вот эту подвеску, — сказал Виталий и выбрал иконку Божьей матери. — Нравится тебе? — Пусть охраняет тебя. И с этими словами вручил мне её. На его лице отразилось облегчение. Я увидела это, но зла во мне давно не было, и сейчас я дала ему шанс — он выполнил давно задуманное...

— Как ты живёшь? — Как Валерка? — снова затарахтел он, — Как сад? У вас такой шикарный бульденеж... Я вспоминал тот май... И где был ум в мои семнадцать лет?

— А сада давно нет и бульденежа тоже, — отвечала я, — всё снесли... Сад у нас новый, за городом, но бульденежа мы так ни у кого и не нашли, и не посадили. Хотя искали усердно. А с Валеркой мы прожили хорошо, правда, теперь он очень болен... Дальше я не стала рассказывать, зачем?

...Теперь опять был май, а жизнь почти прожита... Через неделю нам с Валерой предстояла поездка в областную больницу на магнитно-резонансную томографию. Наконец-то он согласился на обследование — уже ноги еле волочил, а всё боялся — вдруг обнаружится рак.

И вот мы вышли с распечатками снимков и с заключением. Рассеянный склероз!

— Немного лучше, чем рак, — "обрадовал" врач, — вам повезло, в молодом возрасте быстро умирают, а в вашем — ещё поживёте!

Ну вот, диагноз десятилетней давности изменён. Наверняка рассеянный склероз был уже тогда, а может быть и раньше...

Крепко держась друг за дружку, мы с Валеркой потопали напрямую через усаженный цветущими яблонями больничный двор к автобусной

остановке. И вдруг остановились. Прямо перед нами росло тонкое высокое деревцо, снизу до верхушки голое, а на трёхметровой высоте, как на пальме, свисал десяток веточек, усыпанных мелкими белыми шарами! Бульденеж? Не может быть! Точно – он! Обошли вокруг деревца – как же отличалось оно от нашего красавца-куста, когда-то жившего в моём саду. Валерка уселся под ним и смотрел вверх на цветы, и не хотел уходить. А я всё ходила кругами вокруг них – искала отростки, которые можно было бы выкопать осенью...